

ЭТНОГРАФИЯ

М.-Р. А. Ибрагимов

К ИЗУЧЕНИЮ ДИНАМИКИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ КУМЫКОВ¹

Исследование этапов эволюции этнического сознания кумыков от раннего средневековья до начала XX в. позволило установить, что их этническая самоидентификация появляется вместе с первыми экзоэтнонимами (восходящими к их самоназванию – *къумукъ*), которыми обозначали предков кумыков в средневековых письменных источниках.

Последующие изменения этнического самосознания кумыков также были вызваны социально-культурными и этнополитическими преобразованиями внутри кумыкского общества, а также внешнеполитическими факторами.

Появление в сочинениях раннесредневековых авторов первых этнических названий племен (возможных предков некоторых современных народов Дагестана), фиксация ими существовавшего разнообразия этносов на территории Восточного Кавказа, на наш взгляд, косвенно свидетельствуют о ранних формах проявления их самоназвания.

Этноним «кумык» является первым фиксированным этнополитонимом Дагестана, относящимся к VII в.; этнонимы других народов Дагестана (Лакз, Авар, Хайдак) стали известны в качестве политонимов в IX–X вв.

¹ Кумыки – один из коренных народов Республики Дагестан, насчитывающий 422,4 тыс. человек в РФ, из них 365,8 тыс. (14,2%) в РД (Национальный состав и владение языками, гражданство. 2004. С. 12, 59). Самоназвание – *къумукъ*; от этого эндоэтнонима происходит русское и ногайское – кумык, чеченское – гъумки; у горских народов Дагестана экзоэтноним кумыков передается словами «жители речных долин, равнин»: по аварски – *лъарагIал*, по даргински – *диркъаланти*, по лакски – *арнисса*. Этимология этнонима кумык объясняется учеными по-разному, в том числе: от слова «гунн» (название племени), «кум» (песок), «кув» (лебедь, предположительно бывший племенным тотемом) и т.д.

Кумыки относятся к древнейшему на Северном Кавказе каспийскому антропологическому типу большой европеоидной расы с примесью кавказского типа в некоторых группах. Говорят на кумыкском языке, который является одним из старописьменных литературных языков Дагестана. Он входит в кыпчакскую подгруппу тюркских языков, однако в нем обнаруживаются более древние элементы языка гуннов (IV в. н. э.), болгар, хазар (V–X вв.) и огузов (XI–XII вв.), свидетельствующие о том, что кумыкский народ является одним из исторических преемников этих этносов. Кумыкский язык имеет следующие диалекты: буйнакский, кайтагский, подгорный, хасавюртовский и терский, последний представлен также на территории Чечни, Ингушетии и Осетии. Литературный язык сложился на основе хасавюртовского и буйнакского диалектов. Родным считают язык своей национальности 99% кумыков. Кумыки, указавшие владение родным кумыкским языком насчитывают 409 тыс. человек или 96,8% всех кумыков РФ. Распространен также русский язык, которым свободно владеет 91% кумыков (Национальный состав и владение языками, гражданство. 2004. С. 22, 126).

По мнению Г.-Р.А.-К. Гусейнова, «Этноним кумыков в его современном звучании (*къумукъ*) имеет древнебулгарское происхождение и означает «оседлый». Он отразился в названии ныне лакского села (Каз-и) Кумук и общества Гумик, известного с VII в. н.э., что и можно, в принципе, считать одним из первых упоминаний современного кумыкского экзоэтнонима на территории Дагестана» (Гусейнов Г.-Р. А.-К., 2009. С. 81). Уместно процитировать и сведения С. М. Броневского о кумыках, который еще в начале XIX в. отмечал, что они «суть старожилые татары, поселившиеся на Кавказе в отдаленные времена и под названием кумыков и кази-кумыков составляли сильное колено, существовавшее до Тимур-Ленга» (Броневский С.М., 1823. С. 190).

С XIII в. в письменных источниках встречается форма экзоэтнонима, близкая к современному самоназванию кумыков – *комук* (*qomuc*), которая нашла отражение у Платона Карпини (1245–1247 гг.), упоминавшего их в числе племен, покоренных монголами наряду с *команами* и *тарки* (Джиованни дель Плато Карпини, 1957. С. 57), и позднее (в 1253–1255 гг.) – у Гильома Рубрука; он называет их *команы капчат* (кыпчак ?) (Гильом де Рубрук, 1957. С. 112; см.: Гусейнов Г.-Р. А.-К., 2008. С. 146).

В XIV в. термин «Гази Кумуклук» зафиксирован в труде историка Низам ад-Дина Шами, сопровождавшего в завоевательных походах знаменитого полководца Тимура. В 1396 г. он писал об «области Гази Кумуклук и войска Аухара» (по другому списку: «области кумыков и войска аваров») (Тизенгаузен В. Г., 1941. С. 124; см.: Шихсаидов А.Р., 1980. С. 74). «Гази Кумуклук» как и «Гъази-Къумукъ» (*Haзи-Q'umuc*'), явно восходящие к самоназванию кумыков, в результате транслитерации через посредство русского языка приобрел форму *Кази-Кумук* (*Kazi-Kumuk*) или *Каси-Кумук* (*Kazi-Kumuk*), а затем и *Кази-Кумух* (ныне – *Кумух*). По местным преданиям и народной этимологии «Кази-Кумук» означает «святой Кумук». По авторской версии К. М. Алиева «казы-кумук» – это «хазар кумыки» (Алиев К. М., 2001. С. 194). Эта версия поддержана Г.-Р. А.-К. Гусейновым, который пишет, что встречающийся в документах вариант ойконима «Гъазкумукъ» (Оразаев Г. М.-Р., 2002. С. 317–319, 444) прямо указывает на участие средневековых хазар в этногенезе кумыков, поскольку первая часть этого ойконима восходит к этнониму «хазар», т. е. «хазарские кумыки» (Гусейнов Г.-Р. А.-К., 2008. С.148).

Этноним «кумук» (в форме, близкой к самоназванию), по справедливому замечанию С. М.-С. Алиева, впервые использован для обозначения своего этноса средневековым кумыкским поэтом XV в. Умму Камалом (Хрестоматия ..., 1980. С. 33, 35).

В османских (турецких) имперских посланиях XVI в. кумыкский шамхал именуется «Комук ве Кайтак хаками», т. е. в форме, близкой к современному самоназванию этноса (Алиев К.М., 2006. С. 27).

Западноевропейские средневековые путешественники также фиксируют наличие этнонима «кумук» (как и «авар», «лакзи») на Северо-Восточном Кавказе; он упоминается и в источнике начала XV в. – труде Галонифонтибуса (Галонифонтибус И., 1979. С. 15).

Со второй половины XVI в. упоминания о кумыках, об их стране чаще встречается в западноевропейских, русских, османских (турецких) и др. письменных источниках: «Комук» у А. Дженкинсона (1561 г.), «владелец кумуков Великий Шавхал» в османском реестре 1578 г., горская земля (страна) «Кумуки» у Р. Биркина (1587 г.), «Кумыцкая земля» у воеводы П. Головина, адаптированное

русское звучание эндоэтнонима «къумукъ» (т.е. кумык) в «Житие» протопопа Аввакума (1675 г.) и др. (Английские путешественники ..., 1938. С. 201; Дагестан ..., 1992. С. 61; Алиев К. М., 2006–2007. С. 46; Белокуров С. А., 1889. С. 33; Русско-дагестанские отношения ..., 1958. С. 34, 37, 55).

В местной, широко известной исторической хронике рубежа XVI–XVII вв. «Дербенд-наме», автором которой является кумык Мухаммад Аваби Акташи, также упоминается «Страна кумуков», под которой подразумевается территория северных кумыков – Засулакская Кумыкия, расположенная между нижними течениями рек Терека и Сулака (Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р., 1993. С. 16, 43).

В первой трети XVII в. название кумыков в форме *Komucken* зафиксировано у немецкого поэта Пауля Флеминга, путешественника, возвращавшегося в 1638 г. из Персии «по землям дагестанских кумыков» (см.: Ханмурзаев К.Г., 2004. С. 31).

Эти экзоэтнонимы и политонимы, восходящие к самоназванию кумыков («къумукъ»), свидетельствуют о достаточной известности кумыкского этноса не только в местном, но и русском (Гусейнов Г.-Р.А.-К., 2009. С. 42), а также турецком и западноевропейском общественном сознании XVI–XVII вв.

Одной из причин относительно широкого распространения этнонима «кумык» на Северном Кавказе были кумыкские анклавные территории, расположенные здесь примерно с XVII по XVIII вв. (возможно, и с более раннего времени). Таковыми были значительная часть населения Карт-Джурта в Карачае, кизлярские кумыки на территории Северной Осетии (с. Кизляр, г. Моздок) и брагунские кумыки в Чечне (с. Брагуны, Виноградное, Дарбанхи и др.). Отсюда становится понятным, почему этнонимом «кумыки» северокавказцы называли все население Дагестана. И это закономерно, поскольку, как правило, именем народа, с которым впервые столкнулись и вошли в контакт те или иные относительно дальние соседи, называют и всех остальных, находящихся в их «округе». Таких исторических примеров много: лезги, лезгины, леки, татары, черкесы и др.

Существовавшее самоназвание племен предков кумыков нашло отражение в письменных источниках через названия, данные со стороны; эти названия были признаны этносом как синонимически приравненные к самоназванию, поскольку были близки к ним по форме.

Утверждение о столь раннем существовании эндоэтнонимов у средневековых кумыков (и некоторых других дагестанских племен) представляется достаточно парадоксальным лишь на первый взгляд. Поскольку следует признать очевидным то, что этническое название реально существует и признается группой, значит, существует и этническая общность того или иного типа или уровня. Ю.В. Бромлей писал, что наличие этнонима «свидетельствует об осознании членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей. Для каждого из таких единств, больших и малых, наименование является фактором, объединяющим внутри и различающим вовне. Символизируя в целом этнос, этноним обычно выступает одним из наглядных этнических признаков» (Бромлей Ю. В., 1973. С. 98).

В данном случае речь идет о фиксации племен наиболее вероятных предков кумыков на территории Восточного Кавказа в средневековый период. Следует признать, что первое упоминание этих этносов в письменных источниках «само по себе уже является свидетельством того, что на тот момент эти этносы уже представляли собой объективную реальность» (Арутюнов С. А., 1989. С. 9).

В рамках раннефеодальных образований «Царства гуннов» (Гмыря Л.Б., 1995; Гмыря Л.Б. 2002) и Джидана как наследника хазар на Восточном Кавказе, на наш взгляд, происходило формирование раннесредневекового этнического самосознания кумыков, зафиксированное как отмечено выше во многих арабских, местных, турецких, русских и западноевропейских письменных источниках.

Э.Ф. Кисриев высказал положение, по которому «с раннего средневековья в Дагестане, племенная идентификация уже сменялась политической, которая не совпадала с границами этнографических ареалов. В исторических хрониках того времени мы обнаруживаем не племенные, а вполне определившиеся политические образования (Дербентский эмират, Серир, Хайдак, Зирихгеран, Шандан, Филан, Зуклан, Карах, Табасаран, Гумик, Лакз). В последующем, с 13–14 веков в Дагестане начинает складываться уникальная цивилизация – «города-государства» с развитой системой гражданских отношений и правовых норм, регулирующих общественные и хозяйственные отношения (в том числе, отношения собственности на землю и имущество) и внешнеполитические отношения с соседями. Таким образом, уже с тех времен не племенные связи определяют политическое бытие дагестанцев, а «джамаат» (так называли эту форму социальной связи дагестанцы) – гражданская, по своей сути, политическая, организация жизни «города-государства»» (Кисриев Э.Ф., 1998. С. 32).

На наш взгляд, этническая идентификация, вовсе не исчезла, а продолжила свое существование, поскольку в источниках фиксируются не только политические образования, но и сами этносы, и их названия, в том числе и кумыки. Более того, появление раннефеодальных политических государственных образований способствовало упрочению и закреплению этнического самосознания в параллельно сосуществующей форме в виде этнополитической самоидентификации раннесредневековых кумыкских племен. Именно тогда этническое самосознание кумыков постепенно стало приобретать многоуровневый характер. Наряду с этнической (племенной) идентификацией появилась и политическая самоидентификация.

Вхождение Дагестана, в первую очередь равнинно-предгорного, в сферу политического и экономического влияния Арабского халифата сыграло важную роль в общественно-экономическом и культурном развитии кумыкского общества. Арабские военные завоевания VIII в., а затем и культурные достижения оставили значительный след в истории и культуре, особенно в идеологических представлениях и образовании кумыков и других народов Дагестана. Именно в этот период было положено начало становлению исламского самосознания кумыков и других народов Дагестана, тесно переплетенного со средневековым этническим самосознанием. По мере утверждения ислама религиозность населения стала духовным и нравственным потенциалом государств (многочисленных и мелких по масштабам), поскольку конфессиональные основания человеческого бытия и сознания содержат в себе колоссальный мобилизующий заряд. Именно исламу удалось одержать верх в идеологической борьбе с языческими верованиями, тенгрианством и христианством, имевшими распространение среди кумыков.

К XIV–XV вв. небольшие поселки, населенные тухумами¹, начали уступать место крупным поселениям, в которых обосновывались представители нескольких

¹ Тухум представлял собой родственную группу по отцовской линии, которая образовалась в результате распада большой патриархальной семейной общины на малые индивидуальные семьи, сохранявшие между собой экономические и этические связи: взаимопомощь, привилегии родственников на приобретение дома или пахотного уча-

семейно-родственных групп. С укрупнением поселений у кумыков, как и у других народов Дагестана, происходило упрочение позиций сельской общины.

Среди внутренних факторов, оказавших существенное влияние на формирование этнического самосознания кумыков, как и других народов Дагестана, были сельские общины – джамааты и союзы общин, с формированием которых в XIV–XV вв. складывается новая форма самоидентификации кумыков, условно называемой «джамаатской». Общины, являясь самодостаточной общественной, экономической, политической и идеологической единицей, способствовали консервации этнической дробности населения Дагестана (особенно горного), но не определили эту этническую дробность, как утверждает М.А. Агларов (*Агларов М.А.*, 1988. С. 196).

«Джамаатская» идентификация оказалась весьма жизнестойкой и просуществовала в сознании кумыков и других народов Дагестана вплоть до настоящего времени как один из уровней самосознания.

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с мнением Э.Ф. Кисриева, который утверждает, что «Джамаат» уже в средние века успешно оборвал внешние по отношению к нему этно-племенные связи, и они утратили свою значимость» (*Кисриев Э. Ф.*, 1998. С. 32), поскольку этническая, точнее этноязыковая, идентификация вовсе не исчезла, а продолжала существовать параллельно с «джамаатской». Наличие этнической самоидентификации у кумыков подтверждается более поздними по времени материалами.

Важную роль в позднесредневековой политической, экономической и культурной жизни Дагестана играли относительно крупные населенные пункты кумыков Тарки, Уллу Бойнак, Капир-Кумук, Капчугай, Кумторкала, Башлы, Маджалис, Утамыш, Большое (Нижнее) Казанище, Нижний Дженгутай, Карабудахкент, Кака-Шура, Доргели, Эндирей, Яхсай, Костек, Кизляр, Брагуны (Бораган) и др.

Эти пункты, будучи центрами феодальных образований или союзов сельских общин, служили не только торгово-обменными центрами с еженедельными базарами, где происходило общение на старокумыкском языке¹ представителей как самих кумыков, так и других этносов Дагестана, но и были распространителями арабо-мусульманского образования, именно в них продолжало развиваться и укрепляться этноконфессиональное самосознание кумыков.

При этом необходимо помнить, что лишь к концу XVI в. ислам приобретает статус официальной религии шамхальства, а затем и других дагестанских феодальных владений и многочисленных союзов сельских общин (*Шихсаидов А.Р.*, 2001. С. 4; *Шихалиев Ш.*, 2008). По мере распространения ислама за сельскими общинами закрепился арабский социальный термин «джамаат», означающий «объединение, сообщество».

Наличие и укрепление государственности кумыкских племен послужило основой формирования средневекового этнического самосознания кумыков. Традиции государственности, сложившиеся в средневековый период, были продолжены и в последующее время, когда появились такие политические образования, как Тарковское шамхальство (центр – Тарки), Мехтулинское ханство (центр – Ниж-

стка, расположение в селении домов малых семей в одном квартале (Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1965. С. 4).

¹Старокумыкский язык, являвшийся языком межэтнического общения народов Северного Кавказа и Дагестана, исследователи называют также кумыкским вариантом письменного языка «северокавказский тюрки» (*Оразаев Г.М.-Р.*, 2002; *Оразаев Г.М.-Р.*, 2007).

ний Дженгутай); в Северной (Засулакской) Кумыкии – Эндиреевское (центр – Эндирей), Костекское (центр – Костек) и Аксаевское (центр – Яхсай); в центральной Кумыкии – Бамматулинское (центр – Н.Казанище), Карабудахкентское (центр – Карабудахкент) владения; в нынешней Чечне – Брагунское княжество (центр – Бораган); южные кумыки входили в Кайтагское уцмийство (центр – Калакорейш, затем Башлы и Маджалис).

Особое место занимал тарковский шамхал (шавхал), сюзеренитет которого признавался другими кумыкскими и иными владельцами Дагестана. Он обладал практически неограниченной властью, хотя периодически и собирал совет для решения важных задач. Шамхал не имел постоянной армии, но у него было большое число дружинников (*нёкер*), его вассалами являлись также удельные князья (*бий*, *бек*). У шамхала были помощники, «министры» (*вазир*), смотрители (*назир*), главы военной силы (*черивбашы*), сотники (*юзбашы*), городничий (*къалабек*), городовые (*чавуш*), конюшенные (*карасчы*), стольники (*хончачы*), виночерпии (*аякчы*) и т.п. Почти то же самое наблюдалось в управлении другими владениями Кумыки (Народы Дагестана ..., 2002. С. 475).

Значительное мобилизующее влияние на формирование этнического самосознания кумыков и других народов Дагестана оказала их борьба с иноземными завоевателями XVI – XVIII вв.: сефевидским Ираном, султанской Турцией и царской Россией. В XVI – XVII вв. попытки турецких султанов и иранских шахов покорить край силой оружия заставили народы Дагестана подняться на борьбу за сохранение своей политической независимости (История Дагестана..., 2004. С.380–413).

В эволюции этнического самосознания кумыков, как и других народов Дагестана, немаловажную роль сыграла их борьба с внешней агрессией в конце XVI – начале XVII в., когда Московское государство предприняло более десяти безуспешных походов против наиболее влиятельного владельца Дагестана – шамхала тарковского, возглавлявшего относительно крупное кумыкское государство (*Алиев К. М.*, 2006. С. 36, 44).

В связи с тем, что некоторые исследователи (Э.Ф. Кисриев, В.О. Бобровников и др.) этническое самосознание народов Дагестана, в том числе и кумыков, рассматривали как явление новейшей истории, уместно привести известный историкам пример, который свидетельствует о наличии этнического самосознания у кумыков в более ранний период. Немецкий путешественник первой трети XVII в. Адам Олеарий, описывая «Дагестанскую область», указывает, что обитатели этой страны «суть татары (кумыки. – Авт.). Персияне называют их лезги (*Lesgi*), а сами себя они зовут дагестанскими татарами, что значит горные татары» (*Олеарий А.*, 1870. С. 975).

Этим же автором зафиксирован примечательный эпизод, произошедший в 1636 г. в русской крепости Терки: находившийся в крепости Терки брат тарковского шамхала – Мирза отказался встать и выпить за здоровье Великого князя Московского¹. На вопрос: «Разве не знает он, в чьей земле он теперь находится? Мирза дерзко отвечал: еще сомневается, находится ли он в земле Великого князя или в своей собственности». Ибо Терки и вся эта область недавно еще принадлежала татарам (кумыкам. – Авт.)» – заключает А. Олеарий (*Олеарий А.*, 1870.

¹ Речь идет об основателе династии Романовых – русском царе Михаиле Федоровиче Романове (1613–1645 гг.).

С.485). Сведения А. Олеария и ответ брата тарковского шамхала коменданту русской крепости Терки, построенной на кумыкской территории, не оставляет сомнений в существовании четко выраженного этнического самосознания у кумыков, зафиксированного письменным источником в первой трети XVII в.¹

Персидский поход Петра I 1722 г. начинает эпоху интенсивного проникновения России в Дагестан. В результате летней кампании 1722 г. русская армия во главе с Петром I, воспользовавшись политическим кризисом в Персии (Иране), заняла Аграханский полуостров, развилку рек Сулака и Аграхани (где была заложена крепость Святого Креста) и город Дербент. В 1723 г. русские войска вновь перешли к активным действиям: развернули строительство крепости Святого Креста, проводили оборонительные мероприятия в Дербенте и Гиляне, штурмом взяли г. Баку, заняли Сальяны, Решт, укрепляли в занятых территориях свои позиции (История народов ..., 1988. С. 412–418).

Чтобы укрепить свои позиции во вновь присоединенных территориях Западного Прикаспия, Петр I проводил ряд мероприятий, среди которых не последняя роль отводилась изменению религиозно-этнического состава населения прикаспийских провинций, для чего прибегли к переселенческой политике. Русское правительство поощряло переселение единоверных христианских народов, в частности армян и грузин, на новые земли, а также размещало русское население в приграничных зонах, стараясь при этом сократить удельный вес мусульманского населения.

Примерно за десять лет до Каспийского похода, еще в 1711–1712 гг. по указанию Петра I адмиралом Апраксиным были переселены на левый берег Терека гребенские казаки, которые образовали несколько укрепленных городков-станций: Червленную, Шадринскую, Старогладковскую, Новогладковскую и др. Тем самым Петр I создавал реальную социальную опору своей власти в регионе.

Народы Дагестана не столь однозначно восприняли вторжение русских войск Петра I, как это обычно описывается в современных исторических трудах. Известно, что наряду с радушным приемом его тарковским шамхалом Адил-Гиреем и наибом Дербента Имам-Кули-беком (вручившим ему ключи от городских ворот), ему было оказано жесткое военное сопротивление эндириевскими владельцами Айдемирком и Чапалавом (северные кумыки), Султан-Магмутом Утамышским (южные кумыки). Проиграв в сражении с явно неравными силами, они погибли, были уничтожены и их родовые села (История Дагестана. ..., 2004. С. 422–423).

Сопrotивление русским завоеваниям нашло отражение в росте этнического самосознания кумыков, что фиксируется письменными источниками того времени. Так, во время упомянутого похода Петра I на вопрос адмирала Апраксина о причинах жестокого обращения с русскими посланниками жители южнокумыкского с. Утамыш отвечали: «Чтобы отомстить за наши (то есть российские. – Авт.) действия с татарами при Андрееве (то есть кумыками с. Эндирей, которое было разрушено и сожжено русскими войсками. – Авт.)», добавив, что «они считаются свободной нацией и никогда на свете не будут подчиняться какому-нибудь князю» (Из воспоминаний ..., 1722. Л. 52.). Здесь мы вновь обнаруживаем наличие общекумыкского этнического самосознания.

¹ Насколько нам известно, это самая ранняя письменная фиксация этнического самосознания у дагестанцев в западноевропейских источниках.

Судя по данным письменных источников, уже в начале XVIII в. кумыки представляли собой относительно высококонсолидированный народ с развитыми этническими признаками: существованием единого эндоэтнонима, свидетельствующим о наличии четкой самоидентификации, наличием единого старокумыкского языка и единого культурного ядра, регулярностью торгово-экономических и культурных взаимосвязей и т.п.

Процесс этнокультурной консолидации не устранил деления на этнографические группы (брагунские, буйнакские, каякентские, моздокские, хасавюртовские кумыки) и субэтноты (башлынды, брагунцы, дженгутаевцы, казанищенцы, капчугайцы, кизлярцы, костековцы, таркинцы, утамышцы, эндиреевцы, яхсаевцы и др.), которые сохранили некоторые специфические черты в культуре, быту, языке, фольклоре и т.д., впрочем, ныне не играющие существенной роли.

Кумыки, как и другие народы Дагестана, оказывая упорное сопротивление захватническим устремлениям внешних агрессоров, не только ощущали себя частью своего этноса, но и все чаще осознавали общность исторических судеб. Особенно ярко проявилось чувство общедагестанского единства (как одна из форм этнического самосознания) во время стремления иранского правителя Надиршаха завоевать Дагестан в 1735–1745 гг., когда все население края совместными усилиями разгромило войска кзылбашей (иранцев) (История Дагестана ..., 2004. С. 437–450).

Гюлистанский мирный договор между Россией и Ираном (1813 г.), долгое время не признаваемый международным сообществом, открыл новую страницу в истории народов Кавказа. Согласно этому договору Дагестан и Восточное Закавказье были де-юре присоединены к Российской империи (Русско-дагестанские отношения ..., 1988. С. 306). Это событие во многом определило направление и тенденции дальнейшего этнополитического, экономического и культурного развития Дагестана, в том числе и кумыков.

Одной из самых известных и ярких страниц истории Дагестана была антиколониальная и антифеодальная освободительная борьба горцев Дагестана и Чечни в 20–50-е гг. XIX в. под руководством имамов Гази-Магомеда (Казимуллы), Гамзатбека и Шамиля против царской России. На охваченной антиколониальным движением территории Нагорного Дагестана и Чечни Шамилю удалось создать относительно монолитное военно-географическое государство – имамат (*Гаммер М.*, 1998). Антиколониальная борьба горцев и создание государства в Нагорном Дагестане и Чечне оказали большое влияние на дальнейшее развитие этнического и конфессионального самосознания народов Дагестана и Чечни.

Одним из этнических последствий народно-освободительного движения 1820–1850-х гг. горцев Дагестана был рост этнического самосознания народов Дагестана. Этническое самосознание теснейшим образом было переплетено с весьма обострившимся в эти годы религиозным самосознанием. В результате чего широкое распространение получает соционим «мусульманин», который в значительной степени вытесняет на второй план этнонимы народов Дагестана.

Этот период характеризуется усилением связей между представителями различных союзов сельских общин, ломкой некоторых культурно-бытовых, узкоэтнических и психологических барьеров, широко распространенных ранее среди жителей различных селений внутри каждого из народов Дагестана, ростом общедагестанского единства как части мусульманского сообщества (уммы).

С окончательным, а точнее, фактическим присоединением Дагестана к России в 1859 г. начинается новый этап в этническом развитии населения края. В 1860 г. из Прикаспийского края (за исключением Кубинского уезда, отошедшего к Бакинской губернии) была образована Дагестанская область (*Козубский Е. И.*, 1902. С. 243–254; Проект положения ..., 1904), в результате чего впервые административно была объединена воедино значительная часть современной территории края. Это событие привело к укреплению территориального единства и усилению социально-экономической и культурно-исторической общности народов Дагестана. С одной стороны, создание единой административной единицы благотворно отразилось на этническом самосознании народов Дагестана, усилив чувства дагестанского единства и политико-территориальную самоидентификацию.

С другой стороны, это событие окончательно разрушило государственность кумыков (как и государственность других народов Дагестана, ее имевших) и обрекло их с 1867 г. (после так называемого «добровольного» отказа тарковским шамхалом от своих полномочий) на безгосударственное развитие со всеми негативными последствиями.

К концу XIX в. народы Дагестана представляли собой развитые этносы, которым были присущи основные черты общностей феодального типа. При этом одни народы (кумыки, лакцы, аварцы) имели полный набор этнических признаков: этническое самосознание, самоназвание, широкое распространение единого эндоэтнонима, единый литературный язык, внутриэтнические связи и т. д. Другие народы (даргинцы, лезгины, табасаранцы, рутульцы, агулы, бежтинцы, каратинцы и остальные), обладая этническим самосознанием (относительно слабо выраженным), были менее консолидированными: у них отсутствовали единые эндоэтнонимы, вместо которых существовали этниконны – названия по месту жительства: по обществам или по селениям; отсутствовали литературные языки, широко распространены были диалектные формы языка и т. д. У этих народов в их многоуровневом этническом самосознании преобладало сознание принадлежности к своему сельскому обществу (джамаату) или союзу сельских обществ, языковое общение происходило в зависимости от конкретной ситуации на внутрисельском говоре или диалектной форме языка и т. д. (*Ибрагимов М.-Р. А.*, 1985. С. 55; *Магомедханов М. М.*, 2008. С. 159, 173).

По мнению В.И. Козлова и др. российских ученых, в доиндустриальных «традиционных обществах» идентичность определяется скорее принадлежностью к религиозным и государственным общинам (*Козлов В.И.*, 1994. С. 467).

В Дагестане в соответствии с исламскими традициями не было принято делить мусульман по этнической принадлежности. Гораздо важнее была конфессиональная принадлежность: мусульманин или немусульманин, а затем уже христианин или иудей и в последнюю очередь интересовались этнической принадлежностью, при этом интерес этот был вызван желанием узнать, на каком языке с этим человеком можно общаться, а не определить его этническую принадлежность¹. Иными словами, в структуре самосознания кумыков, как и других дагестанцев этого периода, конфессиональная принадлежность была более значимой составляющей, чем собственно этническая.

¹ Кстати, в многоязыковом сообществе Дагестана во время полевых этнографических исследований нами зафиксирована уходящая в прошлое традиция общаться с представителями других этносов на родном для их собеседника языке для того, чтобы лучше понять и успешнее разрешить те или иные вопросы.

Результаты полевых исследований, изучение архивных материалов и научной литературы позволяют утверждать, что в сознании кумыков, как и других народов Дагестана в конце XIX в., имело место наличие, точнее сосуществование, нескольких уровней идентичности. Выстраивалась примерно следующая «иерархия» осознания своей принадлежности: к селу своего происхождения, к союзу сельских общин (куда входит село), к этнической (кумыкской) общности, к мусульманской общине, к общедагестанской общности, а для жителей, находящихся за пределами Дагестана и Кавказа, – к кавказской общности.

Все население Дагестана в целом в рассматриваемый период составляло макроэтносоциальную общность, единство которой было обусловлено социально-экономическими, историко-политическими и культурными причинами (*Ибрагимов М.-Р. А.*, 1985. С. 55).

Тенденция к интеграции особенно ярко проявлялась во времена внешней угрозы, иноземных вторжений, когда дагестанцы, забывая внутренние распри, сплоченные историко-культурной общностью и единым исламским самосознанием, выходили на защиту края. Исследователи справедливо отмечали «наличие у народов дореволюционного Дагестана общезтнического самосознания» (*Магомедханов М. М.*, 1987. С. 44).

Среди некоторых исследователей этнических процессов распространено ошибочное мнение, что процессы, происходившие среди горцев Дагестана в конце XIX в., относятся к этногенетическому варианту. Иначе говоря, речь идет о «формировании народностей из племенных и этнических групп», более характерных для средневекового периода (Современные этнические процессы ..., 1977. С. 76), а сами этнические общности – народности Дагестана якобы сформировались в советский период (*Кисриев Э. Ф.*, 1998. С. 15). «Дагестанские национальности, которые сейчас находятся в центре политического дискурса, – пишет Э.Ф. Кисриев, – в недавнем прошлом существовали лишь как «вещь в себе». Складывание дагестанских «народностей» – аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, лакцев, табасаранцев, ногайцев, татов, рутульцев, агульцев, цахуров – происходило уже в период, когда Дагестан стал автономной республикой (в 1920 г. – Авт.) в составе коммунистической России. Этот процесс осуществлялся в рамках, разработанных марксизмом, и принятых на вооружение понятий «нации» и «народности» в русле национальной политики «самоопределения народов»» (*Кисриев Э. Ф.*, 1998. С. 15).

Эта точка зрения на процессы формирования дагестанских народов не убедительна и, на наш взгляд, нуждается в дополнительной аргументации, поскольку имеются сведения о том, что, к примеру, кумыки представляли собой народность феодального типа со сложившимся самосознанием, по крайней мере, в XIV–XV вв. (*Гаджиева С. Ш.*, 1961. С. 45; *Алиев К. М.*, 2009. С. 81).

Л.И. Лавров в свое время обратил внимание на внутриэтническую сплоченность лакцев. Он подчеркивал, что и в XIX в., и в более отдаленное время они выделялись высокой интегрированностью среди народов края (*Лавров Л. И.*, 1966. С. 181). Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Э.Ф. Кисриева о том, что «современные дагестанские национальности складывались «сверху», опережая национальное сознание, как результат принимаемых органами власти решений по установлению «научно обоснованной» номенклатуры национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и паспортах» (*Кисриев Э. Ф.*, 1998. С. 15).

Как нам представляется, Э.Ф. Кисриев несколько упростил ситуацию, поскольку эти этнические общности (дагестанские этносы) существовали объективно, а советская власть лишь на первых порах способствовала росту, а в некоторых случаях возрождению отошедшего на второй план этнического самосознания некоторых народов Дагестана.

В.О. Бобровников считает, что в Дагестане «до конца 1920-х гг. идентичность горцев сохраняла свои основные дореволюционные черты. Отчетливой этнической организации и самосознания у них еще не наблюдалось. В то же время принадлежность к суфийским братствам, мюриды которых были в большинстве горных селений, служила средством узколокальной и общерегиональной интеграции горцев Аварии» (Бобровников В.О., 2001. С. 92). В связи с такой постановкой проблемы, во-первых, возникает вопрос правомерности отрицания наличия этнического самосознания у реально существовавших этносов (что совершенно противоречит устоявшемуся определению этноса), а во-вторых, правомерности «смещения» этнической и религиозной идентичности. Очевидно, что доминирование религиозной самоидентификации у дагестанских этносов в XIX в. вовсе не исключает существование этнической самоидентификации, возникшей у некоторых племен края еще в раннее средневековье.

В заключение, можно отметить, что зарождение начальных форм этнического самосознания кумыков, вероятнее всего, можно отнести к средневековому периоду, когда впервые были зафиксированы в письменных источниках племенные названия их предков.

В средневековье с политическими образованиями государственного типа и союзами сельских общин этническое самосознание кумыков получает дальнейшее развитие, что зафиксировано появлением политонимов Кумук, Кумукмук, восходящих к их современному этническому самоназванию – *кьумукь*.

Примерно в VIII–XII вв. у кумыкского населения начала формироваться исламская самоидентификация, сосуществовавшая параллельно с этнической самоидентификацией.

В позднесредневековый период в связи с постоянной борьбой кумыков, как и других народов Дагестана, с внешней агрессией фиксируется не только рост этнического самосознания отдельных этносов (что нашло отражение во многих местных, турецких, русских и западноевропейских источниках), но и формирование общедагестанского этнического сознания.

В начале XVIII в. кумыки представляли собой относительно высококонсолидированный народ с развитыми этническими признаками: распространением единого самосознания, зафиксированного в эндоэтнониме, наличием единого старокумыкского языка и единого культурного ядра, регулярностью торгово-экономических и культурных взаимосвязей и т.п.

К концу XIX в. кумыки, как и некоторые народы Дагестана, представляли собой развитые этносы, которым были присущи основные черты общностей феодального типа: этническое самосознание, самоназвание, широкое распространение единого эндоэтнонима, единый литературный язык, внутриэтнические связи и т. д., а все население Дагестана в целом в этот период – макроэтносоциальную общность.

Возникновение этнического самосознания у кумыков было результатом их внутреннего социально-экономического и культурно-политического развития. Отличительной чертой традиционного этнического самосознания кумыков, как и

других народов Дагестана, являлся его многоуровневый характер. Этнические или этно-лингвистические самоидентификации существовали в Дагестане со средневекового периода и не были результатом советской национальной политики, как это пытаются представить некоторые авторы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш., 1971. К истории дагестанских этнонимов лезги и лак // Этнография имен. М.

Агларов М.А., 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.

Агларов М.А., 1998. Этногенез в свете полиантропологии и этнонимии в Дагестане. *Politica-ethnica*. Махачкала.

Алиев К.М., 2001. Таргу-наме. Лексикон. Махачкала.

Алиев К.М., 2006. Шаухалы Тарковские. Кумыкская аристократия. Страницы родословной и жизнеописания властителей. Махачкала.

Алиев К.М., 2006–2007. Османский (турецкий) реестр мусульманским владельцам Северо-Восточного Кавказа 1574–1586 гг. // КНКО. Вести. Информационно-аналитический бюллетень Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, №12–14.

Алиев К.М., 2009. Кумыки: этногенез и этническая история // Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 1938. / Перевод с английского Ю.В. Готье. (Л.).

Арутюнов С.А., 1989. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.

Баладзори, 1927. Книга завоеваний стран. Текст с переводом с араб. П.К. Жузе. Баку.

Белокуров С.А., 1889. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1-й. 1578–1613 гг. М.

Бобровников В.О., 2001. Советские национальные реформы и смена идентичности народов Северо-Западного Дагестана // Расы и народы. М. Вып. 26.

Бромлей Ю.В., 1973. Этнос и этнография. М.

Броневский С.М., 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М.

Гаджиева С.Ш., 1961. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.

Галонифонтибус И., 1979. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира» / Перевод и публикация Л. Тарди. Баку.

Гаммер М., 1998. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.

Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. 1957 // *Джиованни дель Плано Карпини*. История Монгалов. *Гильом де Рубрук*. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И. Малеина. М.

Гмыря Л.Б., 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 2002. Гунны на Северном Кавказе; Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы // История татар с древнейших времен в 7-ми т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань

Гусейнов Г.-Р., 2009. Кумыки: протолингвоэтногенез // Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала.

Гусейнов Г.-Р. А.-К., 2008. Гумиқ~ гумуқ~ кумуқ средневековых источников: Опыт историко-этимологической и ареальной интерпретации // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала.

Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. 1992. Махачкала.

Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны, 1957. Перевод А.И.Малеина. М.

Ибрагимов М.-Р.А., 1985. К вопросу о типологии этнических общностей Дагестана XIX – начала XX в. // Историческая этнография. Л. Вып. 3.

Из воспоминаний участников похода Петра I. 1722 // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 58.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 2004. Т. I. История Дагестана с древнейших времен до XX в. М.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1988. / Отв. ред. акад. Б.Б.Пиотровский. М.

Кисриев Э.Ф., 1998. Национальности и политический процесс в Дагестане. Махачкала.

Козлов В.И., 1994. Этнос // Народы России: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия.

Козубский Е.И., 1902. Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура.

Кумыкский энциклопедический словарь. 2009. Махачкала.

Лавров Л. И., 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I: Надписи X–XVII вв. Тексты, пер. введ. и прил. М.

Магомедханов М.М., 1987. К изучению этнического самосознания народов Дагестана // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – начале XXв. Махачкала.

Магомедханов М.М., 2008. Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.

Национальный состав и владение языками, гражданство. 2004. Книга 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4). М.

Народы Дагестана. 2002. / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.

Оразаев Г.М.-Р., 2002. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала.

Оразаев Г.М.-Р., 2007. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XVIII в. Махачкала.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1965.

Подробное описание путешествия голштинского посольства в Москву и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием, перевел с немец. Павел Барсов. 1870. М.

Проект положения об управлении Дагестанской областью 1904 // АКАК. Т. XII. Тифлис.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). 1971. М.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII века. Документы и материалы. 1958. Махачкала.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. 1988. М.

Современные этнические процессы в СССР. 1977. М.

Тизенгаузен В. Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л.

Ханмурзаев К. Г., 2004. Дагестанские мотивы в поэзии Пауля Флеминга // Вестник Дагестанского государственного университета. Гуманитарные науки. Махачкала. Вып. 6.

Хрестоматия по дореволюционной кумыкской литературе. 1980. / Составители С.М.-С. Алиев и М.-Г.Д. Акаев. Махачкала (на кумыкском языке).

Шихалиев Ш., 2008. Роль тюркского элемента в исламизации Дагестана в XI–XIV вв. // www.kumukia.ru : 30/01/2008

Шихсаидов А.Р., 1980. Вопросы исторической географии Дагестана X – XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала.

Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р., 1993. Дагестанские исторические сочинения. М.

Шихсаидов А.Р., 2001. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.